

УДК 398
ББК 82.3

«Катерина-шарманка»: имя – вещь – знак

Сергей Викторович Алпатов

(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия)

ORCID ID: 0000-0003-2525-0287

Доцент, доктор филологических наук

Филологический факультет Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

МГУ имени М.В. Ломоносова

Тел.: +7 (495) 939-32-77, Факс: +7 (495) 939-55-96

E-mail: contact@philol.msu.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2019.10

Аннотация: Исследование происхождения комплекса традиционных названий популярного европейского уличного инструмента (русское *шарманка*, польское *katarynka*, еврейское *katerinke*) вскрывает нелинейный характер процессов возникновения и закрепления указанных имен, а также обнаруживает тот факт, что за одним и тем же именем могут скрываться разные предметы (как собственно музыкальный инструмент, так и волшебный фонарь, и театр марионеток или живых зверей, представления которых сопровождали мелодии уличного органа). Тем не менее в исторической перспективе в исследуемых этнокультурных традициях за шарманкой закрепляется устойчивый комплекс ассоциаций, обусловленный такими свойствами рассматриваемого культурного объекта, как механическое воспроизведение стереотипных мелодий, сопровождаемое назойливыми клишированными выкриками музыканта. Рекламируемые шарманщиком и транслируемые его инструментом трагикомические образы «поворота судьбы» и «грошовой счастья» становятся общими местами как высокой литературы, так и массовой поэзии XIX–XXI столетий.

Ключевые слова: *народный театр, шарманка, выкрики зывал, звуковой образ вещи*

Восточноевропейские варианты названий уличного органа – русское *шарманка*, польское *katarynka*, еврейское *katerinke* и подобные – регулярно возводят к гипотетической первой песне в наборе

мелодий шарманки – к «*Charmante Catherine*» [Некрылова 1995, 46]. Однако популярной песни с подобным инципитом в европейской культуре XVIII–XIX вв. не находится.

Более близки к истине указания на рефрены раешных приговоров к картинкам «волшебного фонаря»:

Kain, ein echter Sansculott,
Schlägt sans façon den Bruder tott.
Auch ist die Keule womit's geschehen,
Im Original hier also zu sehen.
Charmante Katrinn, Katrina charmant.
[Zglinicki 1979, 85]

О частотности и традиционности подобных припевов говорит не только значительное число зафиксированных устных вариантов¹, но также их использование в качестве звуковой «визитной карточки» для роли бродячих артистов в пьесах профессиональных театров:

Schöne Raritäten, schöne Spielwercke,
La bella Catharina, Charmante Rosina... (1715)

Schöne Raritäten, Schöne Spielewerk!
La bella Margaritha, La snella Catharina,
Schöne Raritäten, Schöne Spielewerk!
Von der *schönen Helena*, Von der *klugen Sibilla...*
(Singspiel «*Artemisia*», 1715)

Schöne Raritäten, schöne Spiel-Werck,
La bella Catharine, Charmante Margretha... (1722)

Hier die *schöne Katherine*, Und die *schöne Magellone*
(Singspiel «*Die zween Savoyarden*», 1792)

Набор женских имен в указанных рефренах достаточно обширный (*Катерина, Розина, Маргарита, Магдалена, Магеллона, Елена, Сивилла*), их эпитеты весьма разнообразны (*прекрасная, очаровательная, стройная, ловкая, мудрая*), а сами тексты раешных приговоров XVIII в., несомненно, принадлежат к более широкой и более

¹ Приведенные далее цитаты извлечены из публикации Корп 1904.

старой традиции «реестров диковинных вещей» [Алпатов 2013], на что указывают ранние варианты припева с упоминанием *святой* Урсулы и *святой* Магдалены:

O schöne Spielewerck! O schöne Rarität!
Sanct Ursel, Catharin, courante Margaret...
(Leipzig, 1698)

Schöne Rarität, schöne Spielewerck,
La bella Catharina, La Santa Magdalena...
(Singspiel «Le Bon Vivant, Oder die Leipziger Messe».
Hamburg, 1710)

На то, что имя «прекрасной Катерины» звучало не в сюжете популярной баллады, но в выкриках уличного зазывалы, указывает и серия гравюр «Danziger Ausrufer» (1765). При этом характерно, что на листах 34 и 35, изображающих шарманщика и человека с волшебным фонарем, перепутаны подписи: первому приписано «*Laterna Magica – Zattenspiehl an der Wand*», второму – «*Charmante Katrinn, Kairina charmant Kan zoehne dans, ha, ha, ha*» [Zeraschi 1963, 59–61]. Последняя из подписей, очевидно, цитирует устный призыв посмотреть представление марионеток с главной героиней – красоткой Катериной.

В пользу данного мнения говорит путевая заметка от 7 февраля 1772 г. в «Журнале путешествия его высокородия господина статскаго советника и ордена святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова по иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращению в Россию, ноября 22 дня 1773 года»:

Были на ярманке St. Germain. Сия ярманка бывает посредине предместия св. Германа. Она открывается 3-го февраля и продолжается до последней субботы перед Вербным воскресением. Ярмоночные купцы пользуются вольностию только две недели. Товары привозят следующие: сукна и другие шерстяные материи, полотна, батист.

Остаток же ярманки наполнен тутошними парижскими мелочными купцами, балансерами, играющими вздорные комедии *шарманкатеринами* или марионетами, делающими фокусы-покусы, показывальщиками всяких зверей и другими вещьми, способными занимать любопытство публики. Из зверей же, которых мы видели, поотменнее были две ма-

ленькие обезьянки, называемые сомирами или самаркандами, и живой крокодил [Журнал 2005, 55–56].

Сходным образом – как название представления марионеток / волшебного фонаря – трактует имя *Katarynka* «Słownik języka polskiego» (1807), приводя в качестве иллюстраций следующие контексты: «Katarynka, szarmant Katrynka, laterna magica iarmaraczników», «szezyne² Katrynka na sznurkach» [Корнилаева 2003, 271].

Несомненно, что и в Россию *шарманка* (как имя и как культурный феномен) приходит со всем кругом указанных значений: от рашенной панорамы и кукольного спектакля до представления с обезьянкой, попугаем и «билетиками счастья» [Некрылова 1995, 48–49].

В частности, во втором номере трехязычного (русско-франко-немецкого) альманаха «Волшебный фонарь, или Зрелище С. Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных верною кистию в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию. Ежемесячное издание на 1817 год» помещен диалог «*Шарлатан*³ и школьник», в котором препираются любопытный школьник и скупой француз, не желающий бесплатно вертеть ручку инструмента:

- Поиграй, мусье, немножко.
- Пашол, мальшишка!
- Сделай милость, мусье, поиграй.
- Дафай деньги!
- Где мне взять: я сиротинка... Вить тебе не тяжело вернуть: только раз, два, три.
- Я ферну тебе рас, тва, три са волос! Пошел руска турак!
- За что ж бранитесь? Вот русские никогда с шарманками не ходят, а вы к нам жалуете. От шарманок, или Бог знает от чего понаживетесь, уедите на свою родину, и ну смеяться над русскими... [Волшебный фонарь 1988, 36]

И в более поздних контекстах оказывается невозможным разделить семиотические коды (картинки «волшебного фонаря», реплики рашенных приговоров и звуки «шарманки», их сопровождающие)

² Из нем. *schöne*.

³ Очевидно, в исходном значении ‘болтун, крикун, разносчик новостей’; ср. Salzberg 2010.

в рамках общего *имени* и *образа* уличного театрального действия – *Катерины-шарманки*. Так, И.П. Мятлев в сатирическом романе в стихах «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей» (1840) фиксирует женевские впечатления героини:

Два артиста из Италии,
Только просто *де* мужик,
Носят *юн лантерн мажик*
С Катериною-шарманкой.
[Мятлев 1969, 338]

В 1843 г. Д.В. Григорович публикует известный очерк «Петербургские шарманщики», в котором игру на музыкальном инструменте так же не отделяет от демонстрации диковинных животных, танца механических кукол или представления Петрушки:

Пучинелла (Петрушка), доньне почти всегдашний спутник шарманщика... Первые появившиеся у нас органы были неразлучны с кукольною комедией...

Шарманщики редко начинают свое поприще с инструментом, от которого получили название; ручной орган, или, как принято называть, шарманка, есть уже следствие улучшенного состояния. Тюлень, заключенный в ящике и показываемый толпе с обычным присловьем: «Посмотрите, господа, на зверя морского», высокий ящик, покрытый зеленым сукном, с каким-то дребезжанием вместо музыки, называемый у шарманщиков «фортепьяно англезе», виола с бесконечным скрипом и плясом хозяина и, наконец, флейта или кларнет – вот средства, с какими впервые дебютирует шарманщик на своей обширной и богатой разнообразными декорациями сцене – на улицах.

После уже, спустя два или три года, достигает он счастливейшего дня, в который на скопленные деньги покупает он шарманку. С этим приобретением осуществляет он все надежды, все мечты и, взвалив на спину свое сокровище, думает только о том, как бы обратить на себя внимание и получить возмездие за все пропавшие труды. То аккомпанирует он вальс Ланнера свистками и трелями, то присоединяет к себе двух маленьких детей, нанятых у бедной трубочистихи или прачки, и заставляет их выплясывать бессмысленный танец своего изобретения; то, если представляется случай, меняет тощую свою шарманку на другую, несравненно меньшую, но представляющую почтеннейшей публике с одной стороны презанимательное зрелище: Наполеона в синем фраке и треугольной шляпе, вертящегося вокруг безносых дам,

с ног до головы облепленных фольгой. Если владелец этого сокровища итальянец, то он непременно вступит с вами в разговор и, объясняя значение каждой куклы порознь, не утерпит, чтоб не выбрать хорошенько Наполеона и бог весть почему кружащихся с ним австрийских дам.

Если ему снова случается накопить несколько денег, желания его простираются тогда еще далее: он покупает высокий орган с блестящими жестяными трубами, медными бляхами, золотыми кистями, горделиво качающийся на зеленой тележке, везомой бурюю клячею [Григорович 1984, 86–87].

Опубликованные Григоровичем наблюдения над артистическим бытом и реквизитом шарманщиков [Красушкина 2007], несомненно, повлияли на ряд контекстов раннего творчества Ф.М. Достоевского. Так, в повести «Бедные люди» (1846) Макар Девушкин замечает, что брошенная шарманщику монетка падает на панель инструмента с танцующими фигурками, а в рассказе «Господин Прохарчин» (1846) кончина героя сравнивается с тем, как «оборванный, небритый и суровый артист-шарманщик» укладывает в своем походном сундуке Петрушку вместе «с чертом, арапами, мамзель Катериною и счастливым ее любовником» [Достоевский 1973, 251–252].

Еще через десятилетие в стихотворении «Катерина-шарманка» (1857) И. Мятлев уподобляет перемены в судьбе лирического героя смене картинок в волшебном фонаре под однообразную мелодию и ритмичные выкрики раешника:

Я к коловратностям привык!
Вся жизнь по мне – *лантерн мажик*,
Судьба – шарманщик итальянец!
То погребение, то танец,
То мотовство, то гран мизер,
То удивительный карьер,
То будто рыба об лед бьешься!
Отказ, как шест, где ни толкнешься!
То свадьба, то война, то мир,
Всё гум, гум, гум! *Андер манир!*
[Мятлев 1969, 157]

Любопытно, что, несмотря на закрепление слова *шарманка* в качестве русского названия для уличного органа и театральных представлений с ним связанных, имя *Катерин(к)а* продолжает сохранять

на русской почве исходные французские компоненты смысла (*Catherine*, *catin* – марионетка, куколка, красotka), в том числе благодаря поддержке диалектных и просторечных форм (*Катька* – кукла) [Голликова 2016] и образов популярных песен и романсов XIX в.:

По всей деревне Катенька красавицей слыла [Григорович 1984, 95].

Лет пятнадцати, не больше-с, вышла Катя погулять-с [Левитов 1988, 28].

Катя, Катя, Катерина,
Катя модная картина,
Нарисованный портрет,
Что нигде такого нет.

[Морозов, Слепцова 2004, 177]

Сложившийся в русской культуре первой половины XIX в. и точно схваченный Мятлевым образ повседневности как механической смены серийных «картинок» под звуки одной – некогда привлекательной, а теперь наводящей тоску – «мелодии» был подхвачен и развит в поэзии второй половины XIX столетия. В стихотворении А. Апухтина «Шарманка» (1856) светлым воспоминаниям детства и юности противопоставлена постылая современность с лейтмотивом: «Только слякоть да грязь пред глазами, / И шарманки мотивы в ушах». В «физиологической» зарисовке Н. Некрасова «Сумерки» (1859) «пронзительный вой шарманки» сливается с «дикими криками» продавцов, барабанным боем и плачем детей. В «Шарманщике» К. Случевского (1881): «Эта шарманка, что уши пилит, мучает, душит...», а в одноименном стихотворении К. Фофанова (1892): «Шарманка тоскует, шарманка визжит – унылые звуки, несвязные сны!».

Любопытно, что в польской литературе второй половины XIX в. сходный фоносемантический образ шарманки становится не просто метафорой тягостной скуки окружающего мира, но и знаком душевной омертвелости самого человека и, как следствие, стимулом к его внутреннему преображению. Так, в рассказе Болеслава Пруса «Катагунка» (1880) шарманка с ее механическими мелодиями неизменно раздражает героя, но одновременно является единственным «окном в мир» для слепой девочки-соседки. Рождаемые валиками уличного

органа звуки стали «поворотным механизмом» обращения героя от глухого себялюбия к реальной жизни.

Русская поэзия Серебряного века продолжает интенсивно эксплуатировать звуковой образ шарманки в качестве знака безысходности: М. Цветаева: «На дворе без надежд, без конца / Заунывно играет шарманка» («Шарманка весной», 1909); Н. Гумилёв: «...и резко за стеной / Звучал мотив надтреснутой шарманки» («Когда я был влюблен», 1911); О. Мандельштам: «Шарманка, жалобное пенье, тягучих арий дребедень» («Шарманка», 1912); В. Кривич: «И так же опять, как вчера, / Шарманка фальшивая ныла / В туманном колодце двора» («В сером доме», 1912).

Однако А. Блок делает неумолимую монотонность шарманки знаком судьбоносного пророчества: «Что быть должно – то быть должно, / Так пела с детских лет / Шарманка в низкое окно, / И вот – я стал поэт» («Зачатый в ночь», 1907), а И. Анненский уподобляет игре старой шарманки процесс неизбежно угасающего поэтического творчества: «Но когда бы понял старый вал, / Что такая им с шарманкой участь, / Разве б петь, кружась, он перестал / Оттого, что петь нельзя не мучась?» («Старая шарманка», 1909).

Особняком стоят поэтические образы Н. Тэффи, воскрешающей исконный союз мелодий шарманки и театрального действия: «Звенела и пела шарманка во сне, / Кружились мы, марионетки» («Марионетки», 1910).

Отдельного рассмотрения заслуживает символика произведений Е. Гуро, синтезирующей в книге стихов и прозы «Шарманка» (1909) образ Города – музыкального автомата, в котором движущиеся в свете вечерних фонарей люди, их «китайские тени» за занавесками окон, звуки водосточных труб и железных подоконников – части единой музыкальной пьесы.

Если поэт – лирический герой «Старой шарманки» И. Анненского – ассоциирует себя с разошедшимся механическим валом, то артист – лирический герой «Злых духов» (1925) А. Вертинского – чувствует себя попугаем на плече шарманщика-Судьбы:

Обо мне не грустите, мой друг. Я озябшая старая птица.
Мой хозяин – жестокий шарманщик – меня заставляет пльсать.
Вынимая билетки счастья, я гляжу в несчастливые лица,
И под гнусные звуки шарманки мне мучительно хочется спать.

К широко понимаемым традициям европейского шансона XX в. принадлежат созданные на идиш песни Sarah Gorby «Katerinke» (1958) и Karsten Troyke «Di Katerinke» (1991).

Сложным синтезом линий высокой поэзии и популярной эстрадной песни рожден образ шарманки в творчестве Б. Окуджавы. С одной стороны, «Песенка о несостоявшихся надеждах» (1974), написанная Окуджавой для кинофильма «Соломенная шляпка», является переработкой комического лейтмотива «жизни-райка», «судьбы-лотереи», пронизывающего рассмотренное выше стихотворение И. Мятлева «Катерина-шарманка» (1840) [Шраговиц 2015, 27].

С другой стороны, песня «Шарманка-шарлатанка» (1960–1961) воплощает глубинные мотивы отечественной поэзии двух столетий [Шраговиц 2015, 28–33], изображая судьбу поэта как нерешаемое уравнение между манящим призванием, тяжким поденным трудом и сомнительной наградой-признанием:

Шарманка-шарлатанка, как сладко ты поёшь!
Шарманка-шарлатанка, куда меня зовёшь?
Шагаю еле-еле, вершок за пять минут.
Ну как дойти до цели, когда ботинки жмут?
Работа есть работа. Работа есть всегда.
Хватило б только пота на все мои года.
Расплата за ошибки – она ведь тоже труд,
Хватило бы улыбки, когда под ребра бьют.

Суммируя сказанное, укажем в качестве исследовательской перспективы на тот факт, что рассмотренные выше знаковые реализации образов шарманки и ее хозяина, трагикомические метафоры «поворота судьбы» и «грошového счастья» продолжают оставаться общими местами современной самодельной поэзии⁴.

⁴ Ср. «Играла шарманка» Алекса Щегловитова https://45parallel.net/aleks_scheglovitov/igrala_sharmanka.html; «Билетики счастья» (2004) Маши Мишкиной <https://www.stihi.ru/2004/02/29-499>; «Билетик на счастье» (2006) Виктора Батраченко <https://www.chitalnya.ru/work/289797/>; «Старый шарманщик» (2016) Натальи Панковой <https://www.stihi.ru/2016/04/07/8302> и др.

Литература и источники

- Алпатов 2013 – *Алпатов С.В.* «Роспись дивным вещам Саббатая Цви» в русской рукописной традиции и фольклоре XVII–XIX вв. // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2013. С. 55–66.
- Волшебный фонарь 1988 – Волшебный фонарь, или Зрелище С. Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных верною кистию в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друге другом, соответственно каждому лицу и званию: Ежемесячное издание на 1817 год. №№ 1–12. М., 1988 (репринт изд. СПб., 1817).
- Голикова 2016 – *Голикова Д.М.* «К истории одной игрушки» (Русское *катька* и французское *catin* в значении ‘кукла’: пути деривации) // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 34–40.
- Григорович 1984 – *Григорович Д.В.* Петербургские шарманщики // Физиология Петербурга / Подгот. текста и прим. В.А. Недзвецкого. М., 1984. С. 84–106.
- Достоевский 1973 – *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. Л., 1973.
- Журнал 2005 – Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова 1771–1773 гг. / Изд. подгот. А.Г. Мосин, Е.П. Пирогова. Екатеринбург, 2005.
- Корнилаева 2003 – *Корнилаева И.А.* Шарманка // Новое в русской этимологии. Вып. 1. М., 2003. С. 270–272.
- Красушкина 2007 – *Красушкина А.В.* Вещь vs человек в очерке «Петербургские шарманщики» Д.В. Григоровича // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2007. № 17 (43). С. 172–175.
- Левитов 1988 – *Левитов А.М.* Избранные произведения. М., 1988.
- Морозов, Слепцова 2004 – *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.
- Мятлев 1969 – *Мятлев И.П.* Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969.
- Некрылова 1995 – *Некрылова А.Ф.* «Служители уличных муз» // Живая старина. 1995. № 1. С. 46–50.
- Шраговиц 2015 – *Шраговиц Е.Б.* Загадки творчества Булата Окуджавы: глазами внимательного читателя. СПб., 2015.
- Kopp 1904 – *Kopp A.* Schöne Spielwerk, schöne Rarität // Archiv für Kulturgeschichte. Berlin, 1904. S. 296–317.
- Salzberg 2010 – *Salzberg R.* In the Mouths of Charlatans: Street Performers and the Dissemination of Pamphlets in Renaissance Italy // Renaissance Studies. 2010. № 24. P. 638–653.

- Zeraschi 1963 – *Zeraschi H.* Russ. шарманка, Drehorgel // Zeitschrift für Slawistik. 1963. № 8. S. 57–62.
- Zglinicki 1979 – *Zglinicki F. von* Der Weg des Films: Textband. Hildesheim, New York, 1979.

“Katerina – Hurdy-Gurdy”: a Name – a Thing – a Sign

Sergey Alpatov

(Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

ORCID ID: 0000-0003-2525-0287

Doctor Habilitas in Philology, Associate Professor

Philological Faculty of the Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory, 1-51, Moscow, 119991, Russia

Tel.: +7 (495) 939-32-77, Fax: +7 (495) 939-55-96

E-mail: contact@philol.msu.ru

Summary: Study of the origins of the popular European street instrument traditional names (Russian *sharmanka*, Polish *katarynka*, Yiddish *katerinke*) reveals the nonlinear nature of the processes of the origin and fixation of these names, and also discovers the fact that different objects can hide behind the same name: a *laterna magica*, a theater of puppets or live animals, whose performances were accompanied by the melodies of the street organ. Nevertheless, in the historical perspective in the studied ethnic and cultural traditions the barrel organ acquires stable complex of associations depending on such properties of the cultural object as mechanical reproduction of stereotypical melodies and annoying clichéd cries of the musician. Advertised by the organ-grinder and broadcast by his instrument tragicomic images of “turn of fate” and “penny happiness” become the topos of both high literature and mass poetry of 19th–21st centuries.

Keywords: *folk theatre, barrel organ, street cries, the acoustic image of the thing*

References:

- Alpatov, S.V. 2013. “Rospis’ divnym veshcham Sabbataia Tsvi” v russkoi rukopisnoi traditsii i fol’klore XVII–XIX vv. In *Ustnoe i knizhnoe v slavianskoi i evreiskoi kul’turnoi traditsii*, edited by O.V. Belova, 55–66. Moscow.
- Dostoevsky, F.M. 1973. *Polnoe sobranie sochinenii*. 30 vols. Vol. 1. Leningrad.
- Golikova, D.M. 2016. “K istorii odnoi igrushki” (Russkoe *kat’ka* i frantsuzskoe *catin* v znachenii ‘kukla’: puti derivatsii). *Nauchnyi dialog* 10 (58): 34–40.

- Grigorovich, D.V. 1984. Peterburgskie sharmanshchiki. In *Fiziologiya Peterburga*, edited and commented by V.A. Nedzvetsky, 84–106. Moscow.
- Kornilaeva, I.A. 2003. Sharmanka. In *Novoe v russkoi etimologii* (Vol. 1), 270–272. Moscow.
- Krasushkina, A.V. 2007. Veshch' vs chelovek v ocherke “Peterburgskie sharmanshchiki” D.V. Grigorovicha. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena* 17 (43): 172–175.
- Levitov, A. M. 1988. *Izbrannye proizvedeniia*. Moscow.
- Miatlev, I.P. 1969. *Stikhotvoreniia. Sensatsii i zamechaniia gospozhi Kurdiukovoi*. Leningrad.
- Morozov, I.A., and I.S. Sleptsova. 2004. *Sleptsova Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'ianina (XIX–XX vv.)*. Moscow.
- Mosin, A.G., and E.P. Pirogova, eds. 2005. *Zhurnal putesthestviia Nikity Akinfiievicha Demidova 1771–1773 gg.* Ekaterinburg.
- Nekrylova, A.F. 1995. “Sluzhiteli ulichnykh muz”. *Zhivaia starina* 1: 46–50.
- Shragovits, E.B. 2015. *Zagadki tvorchestva Bulata Okudzhavy: glazami vnimatel'nogo chitatelia*. St. Petersburg.
- Volshebnyi fonar', ili Zrelishche S. Peterburgskikh raskhozhikh prodavtsov, masterov i drugikh prostonarodnykh promyshlennikov, izobrazhenykh vernoii kistiui v nastoiashchem ikh nariade i predstavlenykh razgovarivaiushchimi druge drugom, sootvetstvenno kazhdomu litsu i zvaniiu: Ezhemesiachnoe izdanie na 1817 god. №№ 1–12.* (1817) 1988. Moscow.